

Литературная газета
г. Москва
30 ИЮН 1982

...Народны по своему значению для нас, людей советского многонационального народа, все классики прошлых эпох и нашей эпохи, конечно, все великое гуманистическое наследие, которое нам оставлено. Это бесспорно. И важно эту мысль отстаивать, последовательно и смело... А вот попробуйте представить себе, как бы вживе и ввяве, образ народного певца, народного писателя, из самых глубин жизни народной вознесенного на высоту национальной и мировой культуры, образ, фигуру художника, характером, биографической судьбой, непосредственностью связи своих созданий с чувствами, настроениями, стремлениями миллионов воплощающего народность реально, но уже и почти символически, — попробуйте представить такой образ, такую фигуру, и тогда вовсе не каждого классика имя вымолвят ваши уста.

Людей, становящихся народно-национальными символами, и не может быть много. Пушкин, Некрасов, Толстой, Горький... Шевченко и Украинка... Ованес Туманян и Аветик Исаакян... Райнис и Упит... А у белорусов — Купала и Колас.

Основоположники новой белорусской художественности, первые (вместе с так быстро погасшим ярким лучом — Максимом Богдановичем) национальные классики широкого, далеко за Беларусь простирающегося горизонта. С них, с Купалы и Коласа, начался взлет истинно демократического белорусского искусства XX века, искусства, уверенно и быстро вышедшего затем на широкий шлях социалистического реализма.

Вступление Янки Купалы в родную литературу овеяно особой атмосферой — скромности (помните: «Я не поэт — нет, избавь меня боже!.. Тихо пою я — кто тихих приметит? Ведь я из деревни — Янка Купала») и вместе с тем значительности всего того, что он стал делать для родной культуры с первых же своих шагов. Новизна его творчества была крупной и необходимой в общенациональном социально-культурном, историческом смысле, что и осознали почти все и почти сразу. Все, что касалось народной судьбы, коснулось разума поэта, пережито было его сердцем, тревожило — и закаляло, мучило — и просвещало.

Великие бури общероссийской революции 1905—1907 годов, встряхнувшие, пробудившие и восток азиатский, и восток европейский, — нет, не одного Толстого объясняет нам ленинская характеристика этой революции, данная в статье «А. Н. Толстой», как «крестьянской буржуазной революции», с первоочередным вопросом «об изменении коренных условий жизни крестьянства», с выдвинутым «на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянских масс». Трудны и мучительны для народа и для Купалы были годы после революции 1905-го и до революции 1917-го, когда взгляд, казалось, терялся во тьме реакции, торжествующей пусть временную, но победу, а голос демократии заглушали крикливые хоры шовинистов и националистов, «чужих» и «своих»; когда затем вихри империалистической войны истерзали землю Беларуси. И наконец ударили грозы революции пролетарской — ее молнии сквозь дым пожаров гражданской войны осветили горизонты спасения и пути обновления жизни.

Первый рубеж, с которого Купала начал, который обозначил своим первым и тотчас же ставшим знаменитым сборником «Жалейка» (1908), Луначарский так охарактеризовал в статье, посвященной «отцу новой белорусской

поэзии»: «Ее («Жалейки», — Ю. С.) чистый и богатый, истинно белорусский язык, ее глубоко бедняцкое... содержание в смысле настроения, образов, мыслей, ее простая, прозрачная и мелодическая напевность произвели огромное впечатление. Книга отражала собою тот взлет к самосознанию и надежде, который соответствовал подъему 1905 года. Купала определился как поэт глубоко крестьянский, но выразивший собою не его сытые, кулацкие, консервативные настроения, а как раз то море

много задержаться лишь на одной из сторон стиля Купалы, кстати, очень разнообразного в стилевом отношении писателя. С мыслью об этом разнообразии легко согласиться, я думаю, каждый, кто прочитал или посмотрел на сцене знаменитую, классически ясную «Павлинку» и совсем иной тональности драму «Разоренное гнездо», или каждый, кто сравнит романтическую поэму-балладу «Курган» и почти публицистически-репортажную «Над речкой Орессой» (специально беру примеры не из ли-

рение «А кто там идет?», как не оратория-вступление к новой истории народной, дверь, распахнутая в такой простор земли и неба, что читательская душа и восторгается, и опасается, и причучается к терпеливому, долгому походу за правом и счастьем людьми звать.

Такое видение и слышание мира требует стиля, делающего многозначительными привычные детали бытия. Пашня, соха и коса, крепкие, добрые деревья, ветры весны и ветры осени, человеческие слезы и улыбки — все это у Купалы удивительно реально и одновременно, ой, с каким далеко развернутым «подтекстом».

И весь этот реальный мир преображает солнце, дирижер могучего купаловского оркестра!

«Гей, к солнцу, к свободе, крылатое племя...» — так призывает поэт, которому всегда было присуще романтическое мирочувствие.

Надо нам хлеба,
как солнца и неба,
Чтоб на весь год
было хлеба у нас...

Так скажет поэт-реалист. С подсолнечником, чей «клик» всегда устремлен к солнцу, сравнит он себя, ища свою «дорогу долгих лет».

Он взял себе поэтическое имя по празднику летнего солнцестояния, по празднику самого высокого солнца. «Купала» — ученые говорят, что это от древнейшего индоевропейского корня, обозначающего и огонь и солнце, и страстное желание, кипение, стремление.

Такое он и есть, наш Янка Купала. Солнечный, зовущий поэт.

Юрий СУРОВЦЕВ

НА ЗЕМЛЕ ЛЮДСКОЙ, ПОД ВЫСОКИМ СОЛНЦЕМ...

крестьянских слез, ту серую, приниженную деревню, которая особенно типична для Белоруссии и которая легко пошла потом на призыв пролетариата». Так сказал в 1928 году и В. Кнорин, один из тогдашних руководителей коммунистов республики: «...Не случайность то, что Янка Купала и Якуб Колас появились в первых рядах белорусской советской литературы, потому что глубокая народность связала их с судьбой революционных масс...»

Пой, моя жалейка,
Пой, как соловейко,
Опевай неволю,
Опевай неволю,
И греми свободно —
Жив наш дух народный!
(Перевод
Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО)

Вот он, этот первый рубеж, годы первой революции. А после нее (в поэме «Бондаровна», 1913 г.) по-шевченковски сильно и страстно утверждает:

Пусть народ терпеть умеет,
Но и мстить умеет
Тем обидчикам
смертельным,
Тем, кто зло посеет.
(Перевод А. ПРОКОФЬЕВА)

В советское время, в 1923 году, Купала пишет свое знаменитое стихотворение «Орлятам», прозвучавшее гимном новой, рабоче-крестьянской Беларуси:

Серп и молот вам,
отважным,
Доля даровала,
Чтоб отныне сила в каждом
Богатырской стала.
Чтоб добытую свободу
Все вы уважали,
Чтобы в злую непогоду
Грозным валом встали...
(Перевод
Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО)

До «злой непогоды» сорок первого года оставалось меньше двадцати лет, но поэзия обладает даром предчувствия.

То, что мы довольно скучновато называем «идейно-творческой эволюцией» поэта, есть живая биография человеческой души, и передать ее, подобно ей самой, можно лишь многоцветно-трепетно, психологически-нервно, импульсивно, то есть непередаваемо никаким иным словом, кроме как собственно поэтическим! Это комплекс образности, звучаний, ритмики, и какая же богатая духовная «материя» — ритмика и мелодика купаловской лирики, часто и неуловимо меняющаяся даже внутри отдельного стиха (например, «Проба октавы») и уж тем более многообразная в пределах цикла или сборника!

Идейно-творческую биографию и поэтику Купалы исследовали не раз и литературоведы, и сами поэты Белоруссии. Здесь мне хотелось бы не-

рического творчества Купалы, о котором веду речь по преимуществу). Но многообразие каждого крупного художника — это не россыпь, а структура, организуемая определенными корневыми свойствами стиля. Так вот, об одном из этих свойств...

Первый сборник Купалы — «Жалейка», то есть свираль крестьянская. Ну, а как же иначе он мог его назвать, если до него Фр. Богшевич назвал свои сборники «Дудка белорусская» и «Смычок белорусский», если Алоиза Пашкевич (Тетка) свои декларации поэтические объединила в «Скрипке белорусской!» Скромные деревенские инструменты, они так подходят для исповедующегося сердца! Но у Купалы не одни только мелодически незатейливые, пусть и щемяще-сердечные, наигрыши свирели, о, нет! Его жалейка и его гусли (сборник «Гусляр», 1910 г.) стонут и призывают, обличают и восхищаются. Звуки их полнят собою гигантское пространство, все более широкими волнами стремятся за даями в дали, до «краев» земли и неба. Размахом и оркестровым многозвучием поражает купаловская лирика, в какой бы момент развития ее ни взять. Ораториальность — кажется, эта особенность очень, по-моему, важная в творческом мире Купалы еще не оценена как должно.

Ораториальна поэзия Купалы облием присущих ей интонаций: здесь и жалоба крестьянская на обездоленность под панским гнетом; и взрыв гнева; здесь муки и счастье любви единственно друг для друга созданных мужчины и женщины; и строгая нравственная перепроверка поэтом себя самого; и светлые оды и гимны новому, молодому; и мобилизующий марш; и злая сатира на врагов; и юная, жаворонковая песня, захлебывающаяся восторгом от радости жить и верить в будущее, в разумную и достойную свою долю (мажорные купаловские стихи 30-х годов: «Левониха», «Алеся», «Лен»...). Тягой к ораториальности примечательны поэмы-сюиты «Она и я» и «Неназванное» (как все-таки неловко передано это белорусское «Безназоўнае», уж лучше прямо — «Поэма без имен», поскольку, по сознательной авторской воле, в поэме этой и впрямь нет конкретных персонажей).

В поэзии Купалы монументальность оратории часто проявляется и в качестве организуемой собственно стилевой силы. Что такое знаменитое, Горького восхитившее и переведенное Горьким стихотворе-

7